

венного пива! Как сказал когда-то Ярослав Гашек: «У нас любовь к пиву – явление историческое, опирающееся на многочисленные привилегии, пожалованные нашими королями, повелевавшими городам пиво варить, а подданным – его пить». Воистину это так. Чехия без своего пива уже не была бы Чехией. Отдадим и мы дань чешской истории – выпьем по кружечке!

Lada S. Slobodiyaniк

Slobodiyaniк Lada, doctoral of The University of Economics, Prague (130 67, Czech Republic, Prague, W. Churchill Sq. 4).

What can cause regality or a few words of the history of Czech beer

This publication is a literary-historical narrative, in which the author discusses some problems in the history of Czech brewing, from the earliest mention of beer in the Czech Republic. The author examines the history of the most famous brands of Czech beer.

Keywords: beer, Czech Republic, Budweiser, Pilsner, Krusovice.

В.Н. Земцов

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); доктор исторических наук, профессор.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

«УЗНИК» ЗАМКА ИФ

Представленный рассказ, написанный в стиле историко-философского травелога, поднимает проблему зависимости историка от судеб исторических и литературных героев прошлого. Рассказ написан на основе собственных впечатлений автора от посещения замка Иф и рассказа его друга Виктора Г.

Ключевые слова: постижение прошлого; роман «Граф Монте-Кристо»; замок Иф.

– А! Так ты бывал в замке Иф! Тем лучше! – воскликнул мой старый друг Виктор, с которым мы наконец-то, спустя 15 лет после наших путешествий по Британии, впервые встретились в одной из московских «забегаловок».

Мы болтали уже несколько часов, с упоением рассказывая друг другу о перипетиях наших судеб, возвращаясь время от времени к воспоминаниям о славных днях, проведенных когда-то вместе в Уэльсе и йоркширских мурах*. За эти 15 лет, которые, казалось, промелькнули столь быстро, Виктор повидал и испытал многое из того, о чем когда-то в детстве и юности, живя в Сибири и читая книжки о дальних странах и путешествиях, мог только мечтать. Одна из рассказанных им в тот день историй меня особенно поразила и увлекла. То была история о странном «узнике» замка Иф, «узнике», который чем-то напомнил мне меня самого, да, впрочем, собственно говоря, и многих из тех, кто попал в своей жизни под смертельное обаяние магического Прошлого. Я не уверен, что вся эта история была рассказана Виктором в той хмельной московской пивнушке именно так, как мне сейчас представляется; пива было к тому времени выпито немало, да и мои собственные воспоминания о замке и чудном Марселе удивительно переплелись с повествованием моего друга... И все же попытаюсь этот рассказ воспроизвести.

История, рассказанная Виктором

– Если ты помнишь, Владимир, – начал свой рассказ Виктор, лет 10–12 назад, когда я окончательно решил остаться за границей, мне пришлось туго, и я хватался за любую работу?

– Да, как же... Помнится, ты писал, что тебе одно время даже негде было и ночевать, и ты вечером оставался на кафедре, заглядывая с хлебом их паршивые сосиски и устраивался спать на письменном столе. А утром, когда появлялась уборщица, должен был уже сидеть за компьютером и изображать из себя этакого трудолика...

– Ну да. Значит, помнишь... Так вот, однажды должен я был (дело было летом) встретить груз сизаля, который через Марсель шел из Эфиопии. Представляешь?

– Сизаля?!

– Да! Ну что же поделать? Обещали хорошо заплатить... Добрался я до Парижа на автобусе, все с того же Victoria bus station, откуда ты меня провожал в Индию в 95-м. Не останавливаясь во французской столице, сел на Лионском вокзале на поезд, или, как они называют, TGV, и помчался в Марсель. Французский, как ты знаешь, у меня никакой, так

* Муры (от англ. moors) – пустоши или незаселенные пространства, занятые лесами.

что всю дорогу молчал, думал о разном... И знаешь, поймал себя на том, что все время вспоминаю «графа Монте-Кристо», и роман (помню даже, каким было издание, которое читал, такие зеленого цвета тома) и замечательный фильм с Жаном Маре... Впечатление было такое, что я еду куда-то в детство, к самому себе...

– Ба! Да ты не первый! Я чувствовал то же самое! Но лучше всех рассказал об этом галисиец Альфредо Конде в своем «Грифоне»... Впрочем, извини. Что же было дальше?

– Ну вот, прибыл я часа через три, очень быстро, на железнодорожный вокзал. Замечательное сооружение! Его построили где-то в середине XIX века. Много ажурности и, знаешь, чего-то восточного, африканского... Но разглядывать все это мне тогда было недосуг – надо было бежать в порт. Не в Старый порт, откуда, как я уже знал, отправляется кораблик в замок Иф, а в новый, большой, построенный, кстати сказать, тоже в XIX веке, куда должен был прибыть мой груз сизаля.

Я выбежал из здания вокзала и обомлет: передо мной, под синим небом, расстился ослепительный город – Марсель. Знаешь, я ведь до этого никогда не видел южных городов, и даже не мог представить всю их яркость и очарование...

Что-то я увлекся... Помнится, тогда я думал о другом – как поскорее добраться до порта. По карте, вроде, было не далеко, и дошел я туда пешком достаточно быстро, но, знаешь, там, у порта, пришлось идти по малопривлекательным кварталам – Африка вперемешку с азиатами! Говорят, особенно много сюда понаехало алжирцев, но видел и китайцев и, по-моему, вьетнамцев. В общем, добрался я до порта, нашел все, что было нужно, определился, что же мне делать завтра, когда разгрузят мой корабль, и... Захотелось мне, Владимир, броситься немедленно туда, в Старый порт, и добраться до острова Иф. Времени было где-то часа три, вещей со мной было немного, и я пешком, прямо вдоль портовых стросней, напрямик, двинулся в этот самый Старый порт. Идти, вопреки моим расчетам, пришлось немало, да еще по жаре, с дорожной сумкой, но дошел. Слева, пока шел, видел какую-то большую церковь, собор Ла Мажор, как узнал потом, в византийском стиле, а справа и впереди, в море, виднелись острова – Фриульские острова, на одном из которых, том, что поменьше и поближе, возвышались стены и башни... Неужели это он, замок Иф?! Попаду ли туда? Успею ли добраться?! Знаешь, даже дыхание перехватывало – так хотелось туда, в детство, к самому себе...

Наконец, добрался я до большого мола, на котором стоит форт, с большой круглой башней, похожей на старый маяк – форт Сен-Жан, и оттуда, с мола, открылся потрясающий вид: далеко впереди, на горе – мощный собор – Нотр-Дам-де-ла-Гард, внизу и правее, на той стороне у

входа в порт, – еще какие-то крепостные сооружения – форт Сен-Николь. еще правее – какой-то дворец, а там, в море, на фоне больших островов. был он, замок графа Монте-Кристо... И небо – синее-синее. Не скрою. что просто захотелось сесть на камни, сидеть так и смотреть, впитывать в себя всю эту красоту. Да и устал я уже порядком. Ладно, думаю. будь что будет – успею. так успею, нет, так и нет. Сел на какую-то каменную скамейку возле форта. достал бутерброд. воды... Поел.

А солнце греет, жара... Хотя. конечно. уже не так как днем. но я-то ведь уже устал. Ну вот, думаю, пойду сейчас вдоль Старого порта, не спеша, поглазею, сверну куда-нибудь в кварталы победнее, найду гостиницу подешевле (других вариантов переночевать у меня не было, да и заранее я не смог ни с одним отелем созвониться), и хотя бы отдохну. А замок Иф посмотрю как-нибудь в другой раз.

Но, знаешь, Владимир, когда среди яхт и каких-то небольших парусных судов я увидел маленький катерок, и понял, что это и есть как раз тот кораблик, который увозит людей в замок Иф, на встречу с их детством и юностью, и уже вот-вот он отчалит... А я, может быть, так никогда и не увижу этот островок моих детских воспоминаний, если сейчас же не сяду на этот корабль... Ты понимаешь: выбор мог быть только один. Я купил билет, залез к катерок, он отчалил и, вначале не спеша, когда выходил из порта, а затем быстро, даже стремительно, помчался к замку Иф. Я крутил головой во все стороны – так было красиво кругом: справа и слева – форты, чуть дальше – шпиль Нотр-Дам-де-ла-Гард, прямо по курсу – он, остров моего детства, и над всем этим – синее, чуть голубоватое, с каким-то розовым отливом, южное французское небо! Пассажиров было человек 20, какая-то разношерстная публика, даже какое-то негритянское (но явно не из Марселя) семсейство, но все вели себя как-то тихо, сосредоточенно, верно тоже ждали встречи со своим детством.

Минут через 30 мы были уже у замка, причалили, стали вылезать и ползти куда-то вверх по некрутой каменистой дорожке... Впрочем, ты ведь и сам все знаешь. как там: покупаешь билет, берешь небольшой проспект (я, конечно, взял на английском) и бродишь – вначале по самому замку, осматриваешь башни. как сейчас помню – Святого Христофора (самая большая), Святого Жерома и какого-то Могувэра, заходишь в камеры. конечно. вначале к «Дантесу» и «аббату Фариа», прикидываешь. можно ли пролезть через отверстие в стене. которое проковыряли. конечно. специально для туристов, бродишь по внутреннему дворику, а потом выползаешь за ворота замка и оглядываешь окрестности – казарму. где у них туалет, внешние стены... Кто-то заходит в маленький ресторанчик и. отхлебывая пиво или кока-колу, любуется видом Марселя. Денег. как ты знаешь. у меня было не много, вода у меня была своя.

хоть и теплая, сидеть в ресторане, точнее – баре. я не стал. а начал прикидывать, откуда же это можно было сбрасывать из замка трупы, зашитые в мешок.

А, ты тоже пытался понять? Ну да, нет там такого места. По крайней мере, я не нашел. И сразу стало как-то грустно. как будто понял, что в детстве тебя не то чтобы обманули. но... в общем. рассказали сказку, в которую ты на всю жизнь поверил. и только вот сейчас, через много-много лет, понял, что это была неправда, и так быть не могло...

Мои грустные размышления сглаживало только то, что вокруг было жутко красиво, плескалось о скалы теплое море, и я, к своему несчастью или же, наоборот, к счастью, решил искупаться. Я спустился там, где у них причал, к воде, а затем, по кромке берега, возле стен, пошел дальше. Мне все не терпелось углядеть, где же могли поремшики сбросить «Дантеса». Так и прошел я немалое расстояние. Наконец, плюнул на всю эту затею с поиском удобного места для сбрасывания покойников, разделся до трусов, думаю – быстро обсохну, пробрался по камням до воды – теплая! – и поплыл! Ну, прямо Дантес! Вот это счастье! Кажется, воды моря совсем примирили меня с «детским обманом». Бултыхался я не долго – боялся пропустить катер, который повезет туристов обратно. Вылез на берег, лег на травку (камни были просто горячими!), растянулся и... задремал. Не знаю точно, сколько прошло минут, думаю, совсем немного, как кто-то изнутри толкнул меня, и я открыл глаза – по морской глади шел тот самый катер, который привез меня к замку Иф. Теперь он шел куда-то к соседнему острову и, как я понял, увозил с собой последнюю в этот день группу туристов, которая посетила замок! Боже! Вот попал! Я вскочил, натянул на еще мокрые трусы брюки, надел ботинки, схватил все остальные вещи в охапку и бросился к причалу. Он был, конечно, пуст. Кораблек действительно всех увез! Кричать было бесполезно, я взбежал к воротам (они были не заперты!) и только тогда начал кричать, надеясь на то, что на острове все-таки кто-то должен быть. Вдруг вспомнил (будто обухом по голове ударили!), что было написано в проспекте – на острове никто не живет! Но почему тогда были открыты ворота крепости? Я бросился к замку – его ворота были закрыты, побежал к «казарме». – тоже закрыты... Маяк! – вот где может кто-то быть – мелькнуло в моей голове. Но еще до того как я устремился туда, меня окликнули. Я обернулся – то был человек, которого я час назад видел за стойкой в баре.

– Месье, месье... Же не па... – И я сразу затем перешел на английский, и правильно сделал.

Здесь Виктор взял паузу, отхлебнул пива и, наконец, произнес:

– Догадайся, кто это был! Какой национальности?

«Русский? – вначале подумал я. – Нет, не слишком ли это просто? А может...» – Здесь я вспомнил наши странствия по Уэльсу.

– Валлиец! – выпалил я.

– Да! – заорал Виктор. Мы обнялись и на минуту присосались к пивным кружкам, совершенно счастливые этой минутой.

– Да, какой-то Дэвис. Не знаю, как было его имя. Он просто так и представился – Дэвис, и все. Он был барменом, и ему негде было жить в Марселе, вот он и оставался на ночь на острове. Лет где-то под пятьдесят, седой, небольшого роста. Такие, как он, в Уэльсе на каждом шагу.

Знаешь, они, валлийцы, прямо как мы, русские, человека в беде не бросят. Впрочем, – здесь Виктор задумался, – есть, конечно, наверное, разные... Но этот был хороший человек, и не просто хороший... Я даже помылся под душем – там, в их «казарме» есть душ. Потом он меня покормил. Знаешь, чем? – жареной картошкой! Кажется, он был рад, что кто-то тоже оказался на этом острове. А потом он повел меня... Никогда не догадаешься! – смотреть закат!

Солнце там заходит ровнехонько за двумя соседними островами и, то ли поэтому, то ли по каким-то другим причинам, справа и слева от островов, там, где небо соприкасается с морем, возникает какая-то странная полоса света, какого-то несусловимого розового оттенка. Дэвис сказал, что это длится совсем недолго – несколько минут, и только в это время года, а весной, осенью и зимой все происходит совсем иначе.

Я уже тогда понял, когда мы смотрели на закат, устроившись возле какой-то амбразуры сразу за большой башней Святого Христофора, что этот валлиец какой-то... странный, а может, и не совсем в себе... Помнишь, Владимир, Томаса, который чуть не угробил нас в йоркширских мурах и который заставлял нас любоваться деревьями на фоне заката?! Он ведь потом совсем сбрендил! Его потом отправили в больницу. Но этот, Дэвис, был какой-то другой, более спокойный, что ли. И я понял, что ему хочется поговорить хоть с кем-то. Тем более я сказал ему, что был в его Уэльсе, да еще на юге, и что я просто очарован его родиной... Ты понимаешь?! Да! Он был рад, так что весь начал светиться. Оказалось, он из Милфорд-Хэйвена, бывший моряк. И он мне рассказал свою историю. Уж не знаю, точно ли все я смогу сейчас вспомнить, но в общих чертах, его история была такой...

История, рассказанная Дэвисом (в пересказе Виктора)

– Как я уже говорил, родился я в Милфорд-Хэйвене, небольшом городке на Юге Уэльса, где когда-то чуть ли не все мужчины были рыбаками. Кто ходил далеко, в Атлантику или даже в Северные моря на

больших рыболовецких судах, а кто (как мой дед и мой отец, когда он был молод) рыбачил недалеко, в ближних водах, и на жизнь всем хватало. Но потом, где-то в 60-х, многое изменилось – отцу моему пришлось наняться матросом на большой корабль и, вначале на три месяца, а потом на полгода уйти на промысел в Атлантику. Там он и сгинул, а мне, еще совсем молодому парню, пришлось идти работать на нефтяные терминалы, которые выросли недалеко от нашего городка. Как и отец мой, я говорил по-английски. Собственно, мало кто из моего поколения его уже не знал – все говорили – и в школе и дома, да и почти все книги, газеты, телевидение... были на английском. Кстати, и фильм я тогда увидел – «граф Монте-Кристо», французский, отличный фильм, а потом и книгу прочитал... Кто бы мог тогда подумать, что я окажусь здесь...

Ну вот, проработал я на этих терминалах года два, разнорабочим, но как-то все не то... Хотелось подкопить денег, жениться (девушка у меня тогда была...), да и надоела уже мне эта работа – хотелось хоть на время куда-нибудь уехать, мир посмотреть... И решил я, как мой отец, стать моряком. Хотя моя мать и братья (где они сейчас – не знаю, а мать уже давно умерла) отговаривали, все отца вспоминали... Но я был тогда решительный мальчик, и ушел в море.

Дэвис замолчал. Потом налил еще большую чашку чая с молоком (мы сидели за столиком в баре, где Дэвис работал), глянул на меня как-то странно, тяжело и мне показалось, что дальше он уже ничего мне рассказывать не будет. Мы молча сидели минут десять, отхлебывали чай, жевали какие-то галеты. За окнами было совсем темно. Знаешь, как наступаст южная ночь – как-то вдруг, сразу. Я спросил, почему он не идет зажигать маяк. Дэвис улыбнулся, вздохнул, пожал плечами и сказал, что все давно происходит автоматически, и он, Дэвис, здесь, собственно говоря, и не нужен.

– Ладно, – сказал он, – дорасскажу... Но только о морях и странах говорить не буду.

Попал я, в конце концов, в кораблекрушение, и ничего такого, романтического, как в книгах и в фильмах, там не было... Когда-то читал такой рассказ одного ирландца (был он в одной небольшой книжке в судовой библиотеке: не знаю, зачем вообще такое держать на судне!) – «Глаза мертвецов». Так вот это обо мне.

Компания, которая наняла нас, объявила себя банкротом и, что называется, умыла руки. А крушение это произошло возле Йемена – судно напоролось на какую-то старую мину и пошло ко дну. Нас в живых (там, вроде, был кто-то из ваших краев, украинец, кажется) осталось человек 20, и выбирались мы оттуда кто как мог. Ну и натерпелись мы тогда! Все бы ничего, только я во время крушения повредил себе руку,

условий для лечения – никаких. Йемен! Арабы! Они только и думали, как и что содрать с нас... Руку-то я спас, но она у меня стала сохнуть.

Матери к тому времени уже не было – умерла. Братья разбегались, ну а невеста... еще раньше всех событий, решила меня больше не ждать. Потом еще думал: ну прямо как Мерседес в «Графе Монте-Кристо». Хотя, нет, конечно: у меня все было по-другому.

Ну вот, в конце концов, года два назад, оказался я в Марселе. Здесь много таких... Кое-какие заработки я находил, но знаешь, с одной рукой... Конечно, рука действует, но плохо... Ни моряком, ни в порт на разгрузку меня не брали. И вот, в конце концов, оказался я здесь, барменом, и сижу уже второй год.

Дэвис с грустью посмотрел на меня. Мы опять замолчали. Весь остров погрузился в тишину. Издалека, со стороны Марселя, освещенного огнями, доносился гул большого портового города, да на соседних островах, на которых строения тоже были освещены, отмечали какой-то праздник. А так, на самом острове, была тишина, полная тишина. Цикады, которые всюю заливались в кустах и деревьях, еще более создавали эффект абсолютного, даже какого-то мертвого, покоя. Но если для меня все то, что сейчас происходило, было совершенной, фантастической ирреальностью, бессмысленным волшебством, то Дэвиса, видимо, одолевали другие чувства и мысли. Ему, как мне показалось, хотелось разорвать обруч тягостных ощущений, ощущений одиночества, который давил его столько месяцев.

– Я думал, что окажусь здесь ненадолго. Мне обещали найти другую работу, тоже бармена или что-то вроде этого, в самом городе, недалеко от порта. Да, собственно говоря, поначалу мне здесь показалось неплохо – народ приличный, работы немного, есть где поспать. Раньше, понимаешь, все, кто здесь работал, ну, билетеры, зрители, бармен – уезжали с последним катером. А мне в Марселе жить было негде, вот я и начал оставаться здесь. Босс был не против, тем более, что я стал вроде сторожа, да и туалеты мою – для меня это дело привычное, на судне, знаете, ко всему привыкаешь.

Поначалу все было хорошо, даже интересно. Иногда и по самому замку походишь, посмотришь на камеры, прикинешь, где и как все было... Помню, в первую же неделю, как я здесь появился, пристроился я к одной группе американцев. По-французски-то я говорю, как и все здесь в Марселе, может и не совсем правильно, но говорю. И все же на английском общаться как-то привычнее.

Знаете, мы, валлийцы, любим помечтать, пофантазировать. О короле Артуре слышали? – так это мы его придумали, и Мерлина тоже. И попеть мы любим, и сказки всякие рассказать. Но, как оказалось, французы нас перешеголяли. Как я тогда понял, когда был с этой экскурсией.

никакой Железной маски здесь и не было (а над одной из камер прямо так и висит табличка, мол. здесь был Железная маска!). Не было и Дантеса! Лаз в камеру аббата Фариа кто-то специально сделал, чтобы туристов дурить. Да и покойника-то отсюда, как ни старайся, в море не сбросишь! Все французский писатель Дюма выдумал, и деньги большие отгреб! Видел я потом здесь одного экскурсовода, так он продавал туристам перья из рыбьих хрящей, которые аббат Фариа вырезал! И брали перья! Французы, – они такие... Мы-то, валлийцы, от чистого сердца, от души, они же – ради денег. Деньги, конечно, нужны всем, но не таким же обманом...

Вот тогда-то мне стало здесь, на острове, как-то не по себе, не интересно, и стал я ждать, когда же получу работу в Марселе, где много людей, и где нет этого одиночества...

Дэвис снова минуты на две замолчал. Я чувствовал, что скоро стану клевать носом, но понимал, что происходит что-то совершенно необыкновенное, и даже представил, как когда-нибудь все это расскажу тебе, и поэтому решил послушать «исповедь» этого валлийца до конца.

Дэвис, как я понял, думал в ту минуту о месяцах и даже годах одиночества на этом острове. «Узник замка Иф», – подумал я, и здесь же произнес:

– Узник замка Иф.

– Да, точно, совершенно точно. Я тоже это быстро понял и стал себя сравнивать с Дантесом, которого заточили под номером 34. Конечно, сравнивать условия моей жизни с теми, в которых жили заключенные замка смешно, да и как моряк я привык к кубрику, к кораблю, а он часто сам как тюрьма... Здесь мое «заточение» было даже комфортным, но это все равно заточение. А главное – я не знал, что у меня там, впереди, за стенами этого замка... Хотела, было, тут одна... билстершей работает, меня приклеить... даже просто, чтобы я ее оттрахал, но я почему-то почувствовал, что не хочу. Не хочу – и все тут! Не хочу, потому что одиночество, оно сильно меняет человека, меняет изнутри, выжигает все его чувства. Если бы Дантес не встретил тогда аббата Фариа, он бы сбесился или же переродился бы через несколько лет так, что уже никто не смог бы увидеть в нем чего-то человеческого. И я тоже почувствовал, как меняюсь. меняюсь очень быстро, и мне все становится безразличным, пустым, не имеющим смысла... Хотелось только одного – быстрее отсюда вырваться, из этой «истории», придуманной когда-то Дюма, и узником которой я теперь стал.

Но получить работу в Марселе все никак не получалось – оппал один вариант, потом другой. И я должен был как-то заполнить свое время, время заключенного замка Иф.

– Но ведь вы работали. принимали товар, что называется, отчитывались, стояли за стойкой.

– О, это отнимало не так много времени. У меня оставались все вечера, и все ночи, когда я был совершенно один, один на один с пустотой моей жизни, в центре придуманной, и такой же пустой истории.

Так я промучился примерно год. в ожидании, когда же отсюда, наконец, вырвусь. Но знаете, как-то постепенно. не могу сказать точно, когда это началось. стали происходить какие-то перемены и иного рода. Вначале у меня появились знакомые ящерицы. Да, ящерицы. Здесь их много. Забавные существа. Хотят казаться страшными, а на самом деле они совсем беззащитны. Я даже стал их подкармливать всякими мошками. Они меня теперь не боятся. Я начал наблюдать закаты. Это для меня своего рода ритуал. Вначале я любовался ими просто так – и они мне казались одинаковыми, но потом я стал различать, какие они разные, не похожие один на другой... И особенно хороши (здесь это бывает не очень часто, но бывает) переходы от одного цвета к другому возле той линии, где небо и море соединяются друг с другом. Я уже не говорю, что закаты в разное время года бывают очень разными. Кажется, я начал замечать, как красивы закаты, когда еще плавал на кораблях, но там для любования просто не было времени. Теперь же от этого я получаю неизъяснимое удовольствие.

Знаете, а потом я открыл для себя то, что можно назвать подлинной историей этого острова и этого замка! Представляете, здесь жил носорог! Его привезли из Индии в Португалию, а оттуда отправили в Рим как подарок папе римскому. Но почему-то его на некоторое время оставили здесь, на острове. Французский король, который оказался неподалеку, даже специально прислал посмотреть на этого зверя. Знаете, я носорогов видел в зоопарке. Милос животное. Большое, по виду страшное, но, в сущности, простое и добросердечное. Я тогда подумал: зачем их держат в зоопарке? Вообще – зачем животных держат в зоопарке, как узников, как преступников? Причем, люди знают, что они, эти животные, уже никогда не выйдут на волю... И этого носорога, который предназначался для папы римского, мне тоже стало как-то жаль. Да, я понимаю, не такому человеку, как мне, который бог знает, что видел на своем веку, говорить о жалости. Но когда я сам побывал в «заключении» на этом острове, мне стало жаль этого носорога. Он прожил недолго – корабль с ним попал в шторм в Генуэзском заливе, и его выбросило на скалы... Потом из него сделали чучело – набили соломой.

И вот от ящериц, закатов и носорога я вскоре перешел к истории этих стен, подлинной истории. Вы видели надписи, процарапанные на стенах камер? Их оставили узники, люди, живые, настоящие, а не придуманные. Через эти стены прошло 3,5 тыс. протестантов! Более сотни

рабочих томились здесь после восстания 1848 года, и кто-то, издеваясь, написал над дверью во двор – «Резиденция суверенного народа», а потом еще – сотни и сотни, тысячи узников, которых отправляли в Алжир и Гвиану. Говорят, иногда камеры оказывались так забиты людьми, что многие погибали от удушья. Вот она история! А кого-то здесь и расстреливали, душили в камерах во сне...

Как-то я узнал, что, оказывается, аббат Фариа существовал в действительности и в самом деле сидел здесь. Он родился в португальском Гоа, я там бывал...

– И я был в Гоа, Старом Гоа, удивительное место, – вскричал я, перебивая Дэвиса, столь сильны были эти воспоминания о моем путешествии в Индию. Владимир, ты ведь помнишь, я писал тебе, как с одним немцем, тоже путешественником, мы встретили в старом форте и закат, и рассвет над океаном...

– Да, согласен, красивое место, – поддержал Дэвис, – и я как-то сразу расположился к этому Фариа. Из Гоа их семья перебралась в Лиссабон, оказалась при королевском дворе, но потом почему-то (уже не помню точно, что там было) бежала в Париж, прямо накануне их революции. Ну и закрутилось: то Фариа был революционером, то пытался уйти в науку и изучать гипноз. В конечном итоге, его все-таки арестовали и посадили сюда, в замок Иф, откуда он вышел только после падения Наполеона.

Да, а вы видели в одной из башен стоит нечто, напоминающее гроб? Так вот, здесь много лет находился запаянный гроб с телом генералом Клебера, которого убил какой-то египтянин-фанатик в 1800 году. В общем, чего тут и кого тут в замке только не было! Куда там всяким «Железным маскам» и «Эдмонам Дантесам»!

Глаза Дэвиса горели, его лицо дышало страстью.

– Знаете, я здесь перечитал уйму книжек по истории – мне их дают наши историки. Слава богу, остались еще такие, кто не только деньги зашибает, придумывает всякую всячину о графе Монте-Кристо и не загоняет туристам по 5 евро перья, сделанные аббатом Фариа!.. Они знают, что говорят...

Кажется, рассказ Дэвиса подходил к концу. Было совсем поздно и, если час назад я уже клевал носом, то теперь голова моя просто падала, а глаза закрывались сами собой.

– Завтра я последний день на этом острове... Кажется, на этот раз все уже решено окончательно, и я буду работать в небольшом мини-маркете в порту, в том, настоящем. Там же буду и жить – сторожить и убирать. И, знаешь, приятель, мне теперь совсем не хочется туда съезжать. Понимаешь, совсем! Так долго я мечтал вырваться отсюда, и вот, завтра, – свобода! Но зачем она мне? Здесь все мое, я часть этого замка!

Не того, липового, туристского аттракциона с Эдмоном Дантесом. но настоящего замка – с его камнями с надписями узников, с его носорогом, которого я так хорошо представляю. с аббатом Фариа, с ящерицами. закатами и восходами... Наконец. не представляю, как я проживу без всего этого! Это мое, это настоящее! А что там? – Арабы. малайцы и китайцы? Всякая местная рвань... Собственно, я и сам не марселец и не француз. и тоже появился здесь бог знает откуда... Но ведь я уже стал другим. И я чувствую и понимаю. что здесь, в замке. могу обо все рассказать не хуже лобого чичероне, который вешает туристам лапшу на уши. Может быть, я и не говорю так, как они по-французски, но, поверь, я бы никогда не стал так лгать, как это делают они. Эти французы скоро вообще про...ут всю свою Францию!

Ладно... Что-то я разговорился сегодня. Да и понятно, почему. Кажется, вы, русские, неплохие ребята, и чем-то походите на нас, валлийцев. Ваших тоже сейчас много стало в Марселе, и нас в свое время разбрелось по миру немало. Но что-то в нас с вами есть такое, настоящее, какая-то открытость, что ли, и сила, внутренняя сила, настоящая, не показушная... Да... Завтра будет тяжелый день. Надо ложиться спать.

С этими словами Дэвис, которому, казалось, совсем и не хотелось спать, отвел меня к себе в комнату, уложил на матрац, а сам ушел неизвестно куда. Думаю, прощаться с островом.

К тому времени, как Виктор заканчивал пересказ истории валлийца, наши головы также уже с трудом могли сохранять вертикальное положение. Но оказалось, что у этой истории было продолжение. Его Виктор приберег напоследок. Вот оно.

Продолжение рассказа Виктора

– Через год я снова был в Марселе. И все по тем же самым делам. Что поделать? В течение этого года мне часто вспоминался тот валлисец, и на этот раз я решил во что бы то ни стало найти его и узнать, как он устроился и как ему живется. Понятно, что искать его возле большого порта, в некоем мини-маркете, среди арабов и негров, было бесполезно, да и небезопасно. Поэтому я решил, если найдется время, снова посетить замок Иф и справиться там, не знают ли они его адрес или хотя бы, что с ним сейчас.

Нашел ту самую пристань с тем самым корабликом, что возит туристов туда и обратно на остров, взял билет. Странно, но на этот раз того, прежнего чувства, будто я еду на встречу с самим собой, со своим детством, не было. Я думал о превратностях человеческой судьбы и о том, как прошлое, настоящее, подлинное, людское, вопреки нашей воле и

желанию. нами овладевает. Но есть ли прошлое без будущего, как у того валлийца, которого я встретил год назад? Ведь у него уже не было будущего. по крайней мере, он не представлял, что оно у него есть, и жил только в прошлом, причем, тоже не в своем прошлом! И страна была не его. и герои его мира – начиная с носорога и заканчивая генералом Клебером – были, в сущности, чужими... Или все-таки они стали теперь и его героями?

Когда катерок причалил, и я взял билет. то сразу прошел к «ресторану». Бармен, кучерявый француз средних лет, который стоял теперь за стойкой вместо Дэвиса, на мой вопрос о его предшественнике только пожал плечами. Он, как оказалось, здесь совсем недавно, месяца два, и поэтому предложил спросить у билетерши, женщины неопределенных лет, которая здесь, по его словам, работает давно и немного говорит по-английски.

Я подошел к ней, представился и спросил о Дэвисе. Она странно на меня посмотрела и сказала, что он умер.

Кажется, заданный мною вопрос, сам по себе, ее удивил. Когда же она увидела, как я был огорчен ее ответом, то спросила, почему я спрашиваю об этом человеке. Я сказал, что год назад был его гостем и знаю, как ему не хотелось отсюда уезжать. Она снова как-то странно посмотрела на меня и сухо сказала, что ему и не следовало уезжать отсюда, что потом он сильно тосковал о замке, поэтому и умер. Больше мне женщина ничего не сказала.

Да, завершение этой истории было сильным. Мы оба, я и Виктор, как-то даже немного протрезвели, и каждый подумал о себе, о своей судьбе, о корнях, о будущем, о своем выборе в этой жизни. Или же о том, есть ли этот выбор вообще...

Сейчас, когда я пишу эти строки и пытаюсь как можно точнее воспроизвести все обстоятельства той встречи с Виктором и слова, им сказанные, у меня возникает странное чувство чего-то ирреального. По крайней мере, я не вполне уверен, что смог точно передать рассказ моего товарища и еще более сомневаюсь в том, насколько мне удалось воспроизвести историю Дэвиса в пересказе Виктора... Да и сам я был тогда под сильным хмельком... А может, вся эта история со странным валлийцем, ставшим «узником» замка Иф, и, получившим долгожданную «свободу», неожиданно умершем, – только химера, возникшая в моем мозгу благодаря пиву и собственным воспоминаниям о замке? Кто ж его знает... А может, все же, все так оно и было...

Vladimir N. Zemtsov

Zemtsov Vladimir, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

"The Prisoner" of Château d'If

Presented the story written in the style of historical and philosophical travelogue, raises the issue of the fate depending historical and literary heroes of the past. The story is written based on the author's own impressions from visiting the Château d'If and the story of his friend Victor G.

Keywords: comprehension of the past; novel "The Count of Monte Cristo"; Château d'If.